

* * *

Здание было старым, наверняка отремонтированным после войны, и, по идее, должно было выглядеть весьма импозантно. В реальности же дом являл собой довольно безотрадное зрелище. Лифт, однако, работал.

Сомнения, зародившиеся у меня в парадной, лишь усугубились, когда я поднялась выше. Лестничная клетка четвертого этажа оказалась грязнее и обшарпаннее той, что насторожила меня на первом; с дверей, в количестве трех, облезала краска, а та, в которую я намеревалась войти, стояла слегка приоткрытой.

Я остановилась в нерешительности. Стоит ли вообще соваться?.. Моя тетка Тереса собралась купить в столице квартиру, и я присматривала для нее варианты. Но такую развалюху рекомендовать просто неприлично. После Канады, после роскошных апартаментов в Оттаве, сестрица мамули ни за что не поселится в трущобе, хоть та и расположена в престижном районе. С другой стороны, здесь, скорее всего, не запросят дорого. Дом, весьма вероятно, поставлен в план капитального ремонта. Возможности для улучшения тут громадные, и кто

знает, не превратится ли в скором времени трущоба в роскошные апартаменты...

Я поискала глазами кнопку звонка, обнаружила, нажала, и не услышала никакого звука. Постучала, никто не отозвался.

Мне пришло в голову, что, может, это банальная коммуналка. Жильцы запирают свои комнаты, а входную дверь держат открытой. В таком случае осмотр оказывался чистой потерей времени, коммуналка отпадала сразу. Но ведь речь шла об отдельной квартире...

Я толкнула дверь и вошла, оказавшись в большой и сильно захламленной прихожей. Четыре двери. Две комнаты, кухня и ванная, сообразила я. И три двери, как и входная, были приоткрыты, что по меньшей мере настораживало: квартира принадлежала пожилой особе женского пола, а пожилые особы женского пола склонны баррикадироваться, словно в осажденной крепости, внутренним взором наблюдая сонмы разбойников на лестничной клетке, денно и ночью вынашивающих злодейские замыслы. Мне попалась нетипичная старушка?..

Эти мысли пронеслись в моей голове в одно короткое мгновение, пока я разглядывала двери. В следующее мгновение я переключилась на пол...

Старушка, обитавшая в этой квартире, оказалась типичной, но мертвой. Она лежала на пороге кухни. Массивный комод заслонял ее тело, я видела только повернутую ко входу голову. Лицо и все прочее пребывало в состоянии более плачевном, чем здание, и никакой ремонт им бы уже не помог. Некоторое время я стояла неподвижно, не в силах оторвать глаз от страшной картины, затем понемногу собралась с духом и подошла поближе.

В медицине я не сильна. По-моему, бабушка была мертва, но ведь я могла и ошибаться. Подавив всякую чувствительность, я опустилась на одно колено, протянула руку и дотронулась до пострадавшей. Она не была холодной: либо рухнула замертво совсем недавно, либо в ней все еще теплилась жизнь. Назад я пробралась, ступая очень осторожно, ибо бабушка померла не от сердечного приступа, если, конечно, действительно померла, и искала глазами телефон. В объявлении сообщалось, что он есть...

За плотно закрытой дверью, которая находилась ко мне ближе других и вела, похоже, в спальню, телефона не обнаружилось. Тогда я заглянула в следующую комнату.

Мать Божья!..

Одного трупа было бы вполне достаточно, чтобы произвести на меня впечатление, но сразу два мертвеца — это явный перебор. Господи, ну и угораздило меня!..

Крупный, крепкий с виду малый лежал ничком у стены на куче мусора. Вокруг в беспорядке валялись обломки кирпича, отбитая штукатурка, инструменты — дрель, два молотка, огромная отвертка и какая-то стальная болванка, — а также, видимо, вождеденная добыча, представлявшая собой открытую большую железную коробку. Пустую. Рядом с ней лежала одна золотая монета. В стене зияла свежewedолбленная дыра.

Я внимательно пригляделась к покойнику и к разбросанным вокруг него предметам, и мне показалось, что события разворачивались следующим образом: кто-то из мерещившегося хозяйке квартиры сонма разбойников пришел, взмахнул топором, раздолбил стену и добыл клад. Откуда-то прознал о нем, ведь коробка могла храниться тут сколько угодно, потому что в войну пострадали только два верхних этажа, пятый и шестой, четвертый простоял нетронутым. Отлично, выводы очевидные и напрашиваются сами собой, только, во-первых, почему клад состоит из одной монеты, а во-вторых, почему грабитель валяется тут

мертвым? Удар его, что ли, хватил при виде ничтожности добычи?..

Я немного успокоилась, хотя и не окончательно. Где этот чертов телефон?! Квартиру осматривать не стану, пропади она пропадом, Тереса тут не поселится, даже если ей доплатить. Но позвонить я должна, возможно, хозяйка и разбойник еще живы! И времени в обрез, надо торопиться. Меня ждут в другой квартире, которая как раз может оказаться подходящим вариантом, и тогда ее необходимо застолбить, немедленно отдав задаток. Я злилась на себя: кой черт меня дернул потащиться сначала сюда?!... Ладно, позвоню и сбегу. Объявлюсь позже, когда у меня будет побольше свободного времени. Я оставила отпечатки пальцев. Бог с ними, не буду вытирать, чтобы вместе со своими не стереть следы преступника. Ведь эти двое явно стали жертвой насилия, кто-то им помог перейти в нынешнее состояние, и этого кого-то станут искать. Вот и пусть ищут на здоровье. Где телефон?!..

Телефон нашелся в прихожей у входной двери. Людям иногда приходит в голову такая жуткая идея — ставить аппарат на высокую полочку в прихожей, так, чтобы нельзя было разговаривать сидя. Долго ли прстоишь на своих двоих?.. Ну да ладно, мне особенно болтать не о чем, срочный вызов... Что набирать, «скорую помощь» или полицию?..

Я остановилась на полиции. Будем последовательны. Если я оставляю свои отпечатки пальцев для облегчения работы полицейским, то уж тогда не буду способствовать затаптыванию следов, которое работу затруднит. Скажу им, чтобы обязательно захватили с собой врача, пусть даже патологоанатома, не станет же он добивать живого, в конце концов!

Телефонную трубку я подняла осторожно, двумя пальцами. Вкратце описала ситуацию и отказалась назвать себя. С раздражением пообещала связаться с ними в свое время, думая про себя, что понятия не имею, когда такое время наступит, и что я все равно ничем им не смогу помочь. У меня была назначена уйма дел на сегодня и завтра! Потрясение перешло в злость. Слава богу, по телефону они не могли меня достать. Я положила трубку и бросилась прочь из этого дома ужасов, дверь оставила приоткрытой, так, как я ее нашла...

* * *

Тетку свою я ненавидела с самого раннего детства. Собственно, будучи младшей сестрой моей бабушки, она приходилась мне не теткой, а двоюродной бабкой. Мне было три года, когда

родители погибли при несчастном случае, и она, бездетная вдова, стала моей опекуницей. Ее уговорила моя родная бабушка, ее старшая сестра; она тогда тяжело заболела. У тетки я так и осталась, потому что других родственников у меня не было, а бабушка через несколько месяцев умерла.

Я с первого дня глубоко и безотчетно возненавидела двоюродную бабуку, приказавшую называть себя тетей. Поначалу я боялась ее до ужаса — в моем детском восприятии она походила на злобного сказочного персонажа — на Бабу-ягу, ведьму, колдунью, но только не на злую фею, потому что любая фея должна быть молодой. А она была старухой. И недобро, поджав губы, смотрела на меня, и откровенная неприязнь читалась на ее лице. Было очевидно, что она терпеть меня не может и не пытается это скрывать.

Спускковой пружиной моей ненависти стало молоко. Тетка упорно пичкала меня молочными супчиками, рисом на молоке, макаронами на молоке, кашей на молоке, а меня едва не выворачивало от одного запаха кипяченого молока. В конце концов я так исхудала, что вмешался врач,

сосед, живший в нашем доме. Возможно, он спас мне жизнь. Тетке пришлось отказаться от молока, но желание впихнуть в меня насильно обратительную еду не оставило ее. Она выдумала кормить меня рыбьим жиром, но рыбий жир, на удивление, мне нравился, посему тетка быстро оставила эту затею и перешла к вареной редиске, которая воняла немилосердно, но из двух зол — молока и редиски — я предпочла последнее. Позднее я научилась притворяться, что мне что-то неприятно, и благодаря этой уловке ела вдоволь капусты, которая мне нравилась в любом виде.

Одевала меня тетка престранно и всегда очень тепло. Обычно она перешивала свою старую одежду, и так перешивала, что без слез не взглянешь. Я довольно долго не обращала внимания на то, как выгляжу, и потому не расстраивалась, а к тому времени, когда пошла в школу, в моду вошли хиппи, и, по мнению моих подружек, я была одета по высшему разряду. Так что комплексов себе не добавила. Зато свободы действий я была лишена почти начисто. Мне запрещалось все, а особенно то, чего мне особенно

хотелось — играть на улице, гулять с подружками, смотреть фильмы по телевизору, сидеть у окна и глазеть на улицу, читать перед сном, собирать смешные и глупые пустячки, милые сердцу каждой девочки, а волосы я должна была заплетать исключительно в косички. Только косички, и никаких разговоров! Во дворе дома был устроен скверик с качелями, горкой, песочницей — игровая площадка для малышей. Как-то чудесным летним днем я, скучая, спросила, могу ли туда пойти, и тетка коротко ответила: «Нет». На вопрос «почему?» последовал столь же краткий ответ: «Потому». С возрастом я начала бунтовать, но от ужаса, который внушала мне старая карга, избавляться пришлось очень долго.

Кукол у меня никогда не было; но, к счастью, я была к ним равнодушна и каким-то чудесным образом сумела сохранить эту тайну от тетки. Я любила читать и рисовать. Как сейчас помню тот погожий день во время каникул, когда я, смирившись с недоступностью детской площадки, решила изобразить в красках цветов настурции. Поставила вазочку с цветком перед собой и со сладкой дрожью в сердце приступила к любимому

делу. Я была в самом начале работы, когда тетка оторвалась от телевизора, чтобы посмотреть, чем я занята.

— Перестань рисовать, — холодно произнесла она.

— Почему? — спросила я с обидой и возмущением.

— Потому, — ответила тетка и забрала у меня из-под носа и вазочку с настурцией, и все рисовальные принадлежности. Краски она спрята-ла так, что я не смогла найти, как ни старалась, а появились они у меня исключительно благодаря домашним заданиям по математике, которые я решала для подружки. Коробкой с початыми красками она выразила мне свою благодарность.

Мне было тогда одиннадцать лет. Желание нарисовать цветок настурции было огромно, и запрет оказался для меня страшным ударом. У меня все сжалось внутри, я не могла даже заплакать. Я взяла первую попавшуюся книжку и попыталась читать. Книжка оказалась про Аню с Зеленого Холма, и как раз когда я начала вникать в текст и заинтересовалась, тетка неожиданно вырвала книгу у меня из рук.

— *Перестань читать,* — *непререкаемым тоном* заявила она.

В первый момент мне хотелось силой отобрать у нее книгу.

— *Чем же мне заняться?* — *воинственно спросила я.*

— *Кухонными полотенцами,* — *был ответ.* Тогда я еще не понимала, насколько старуха скупая, и думала, что мы просто бедные. Я покорно штопала старые салфетки, начищала ботинки, просившие каши, а кухонные полотенца шила из тряпок. Тот день, памятный цветком настурции, в результате я провела, латая дыры.

Больше всего в детские годы мне не хватало одиночества. Я любила бывать одна, но такое счастье выпадало редко и длилось недолго. Одна я бывала только по дороге в школу и обратно, а дома — когда тетка шла в ванную или к нам приходили гости. Я мечтала о гостях, но у нас мало кто бывал. Во время редких визитов каких-то знакомых меня отправляли в спальню, где я переживала самые прекрасные минуты моей жизни. Не имело значения, что я делала, чинила ли коврик, лежавший перед кроватью, или сидела

неподвижно, уставившись в стену, это было неважно. Важно было то, что я была одна, не чувствовала на себе жуткого взгляда старухи, не слышала ее свистящего дыхания и в ноздри мне не бил ее запах.

Тетка смердела. Иначе, чем молоко, но тоже отвратительно. Она не мылась, не стирала одежду и постоянно источала запах грязи. Я так и не смогла к этому привыкнуть. Ее непереносимое присутствие превращалось в истинное мучение, ведь я всегда должна была сидеть в той же комнате, где и она, всегда выходить из дома вместе с ней. Я ненавидела эти выходы, особенно летом, потому что обязана была надевать свитеры, рейтузы, платки, в которых изнывала от жары. Тетка мерзла, а значит, и я должна была тепло одеваться. Удивительно, как я вообще жива осталась.

У меня никогда не было ни копейки денег. Я никогда не выезжала на каникулы. Я понятия не имела, как выглядит деревня, море, озеро или лес, в глаза не видала живой коровы. В зоопарке была только раз со школьной экскурсией. Я не могла себе представить, что такое кино, не